

УДК 811.161.1

ПРЕПОД И ЧЕЛ: НОВЫЕ УСЕЧЕНИЯ

© 2019 г.

З.И. Минеева

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск

zmineeva@rambler.ru

Поступила в редакцию 13.06.2019

К числу способов наиболее экономной передачи информации в современном русском языке относится усечение. Усечение – один из операционных способов деривации, с помощью усечения происходит активное образование номинаций человека.

Задачи исследования: а) выявить новые единицы, образованные усечением, в неографических источниках (словарях новых слов и значений), Национальном корпусе русского языка, текстах масс-медиа; б) определить тип усечения и сопутствующие морфонологические процессы; в) определить ономазиологические особенности дериватов: для номинации каких свойств, качеств человека применяется данный способ; г) определить, с какими целями современные носители языка используют в речи усечения.

Проведенное исследование показало следующее: усечение является продуктивным способом деривации, благодаря которому в русский язык в период 1960–2016 гг. вошли новые номинации человека; усечения образуются с помощью апокопы и афферезиса; неологизмы семантически разнообразны и входят в 14 ономазиологических групп; новые агентивы используются носителями языка в целях номинации человека, а также для выражения оценки и экспрессии.

Ключевые слова: способ словообразования, агентив, номинация, апокопа, афферезис, усечение, Национальный корпус русского языка, мелиоративная и пейоративная оценка.

Введение

Усечение – операционный, безаффиксный способ, использующийся для образования в высшей степени экономных единиц в сфере науки и образования: *гос* ‘госэкзамен’, *диссер* ‘диссертация’, в бытовой сфере: *бутер* ‘бутерброд’, в сфере новых информационных технологий: *комп* ‘компьютер’, *ноут* ‘ноутбук’, в названиях учреждений: *сбер* ‘сбербанк’ и др. Усеченные единицы из одного-двух слогов обозначают человека в разнообразии его свойств и видов деятельности: *чел* ‘человек’, *препод* ‘преподаватель’, *хип* ‘хиппи’ и т. п.

Результатом научных изысканий современных дериватологов является признание того, что усечение как самый «молодой» из способов русского словообразования в начале XXI в. интенсивно развивается и характеризуется наличием активных динамических процессов [1, с. 337].

Антропоцентричность современных лингвистических исследований актуализирует изучение номинаций человека (агентивов), образованных усечением, с целью выявления продуктивных моделей словообразования и когнитивно значимых, важных для номинации и категоризации черт, свойств, качеств человека.

Усечение неоднозначно трактуется учеными; первоначально оно рассматривается как разновидность аббревиации [2, с. 271–283; 3, с. 287–289]. Н.М. Шанский выделяет случаи «чистого сокращения» «без какого-либо аффиксационно-

го “сопровождения”» конца (*унтер-офицер* – *унтер*), начала (*пионервожатый* – *вожатый*) или середины слова (*радиостанция* – *рация*) [3, с. 287] и считает данный способ в целом непродуктивным для русского языка, а афферезис и синкопу более редкими явлениями, чем «финальное сокращение», или апокопа.

Существует подход, согласно которому «усечение не имеет отношения к словообразованию» [4, с. 108], поскольку его результатом является образование «вариантов» полных слов; усечение не выделяется, игнорируется при освещении способов деривации в [5; 6].

Ученые делают акцент на образовании в результате усечения синонимов к мотивирующим словам [3, с. 287], «стилистически сниженных коррелятов соответствующих номинаций» [7, с. 164], проявлении стилистической модификации [1, с. 337].

В 1960–1970-е гг. в лингвистических словарях появляются специальные статьи: «Апокопа (усечение)... 2. Образование новых слов путем сокращения» [8, с. 52]; «Усечение. 1. Образование новых слов путем сокращения» [9, с. 456].

Е.А. Земская выводит усечение за пределы аббревиации [10; с. 275–276; 11, с. 215]. В современной русистике *усечение* определяется как узуальный чистый способ [12, с. 29], как особый способ безаффиксного словообразования (наряду со словосложением, сращением, аббревиацией, субстантивацией): «Усечение – сокращение производящей основы по типу аббревиатур

(независимо от морфемного шва): *заместитель – зам*» [13, с. 103].

Используемые термины: *аморфемное* [2, с. 273; 1, с. 337], *неморфемное усечение* [12, с. 29] – акцентируют внимание на специфике сокращения мотивирующего слова при словообразовании, которая заключается в несовпадении границ усечения и выделяемых в слове морфем. В.М. Лейчик рассматривает усечение в аспекте развития тенденции к разрушению морфем: «... тенденция выделения морфем сменилась противоположной тенденцией – разрушения морфем» [14, с. 120].

Следует отметить явное противоречие между довольно низкой оценкой степени репрезентативности агентивов, образованных усечением, и многочисленными примерами, содержащимися в работах 1960–1990 гг. и последующего времени. С одной стороны, согласно выводам Н.А. Янко-Триницкой, среди аморфемных усечений «названия лиц занимают небольшое место» [2, с. 274], с другой стороны, авторы последовательно фиксируют усеченные номинации человека, извлеченные из литературных текстов, устной речи, СМИ: *проф* (профессор), *нач* (начальник), *абитур* (абитуриент) [3, с. 289]; *пред* (председатель), *опер* (оперуполномоченный), *фин* (фининспектор), *член-корр* (член-корреспондент), *абитуры* (абитуриенты), *мильт* (мильтон, милиционер) [2, с. 271–274]; *пред* (председатель), *тубик* (туберкулезник), *алик* (алкоголик) [12, с. 30, 34]; *шизя* [10, с. 275].

Генезис усечений. Е.В. Маринова обращает внимание на необходимость разграничения русских дериватов и «готовых» усечений, которые были заимствованы русским языком в конце XX – начале XXI в.: *док* ‘доктор’, *кипер* ‘голкипер’, *фэн* ‘фанат’ и могут иметь финаль *-и*: *профи* ‘профессионал’ [15, с. 33]. Н.М. Шанский приводит примеры исконно русских сокращенных слов, выявленных А.В. Исаченко: *унтер* – *унтер-офицер*, *псих* – *психопат*, *спец* – *специалист*, *зам* – *заместитель*, *домоуправ* – *домоуправляющий*, *зав* – *заведующий*, *контра* – *контрреволюционер*, *член-корр.* – *член-корреспондент*.

К числу проблемных вопросов относится квалификация способа образования слов на *-ик*, в том числе агентивов: Н.А. Янко-Триницкая видит в *дирик* ‘директор’, *туник* ‘туняец’, *шизик* ‘шизофреник’ суффиксальные образования от усеченных основ, подобные предметным *велик*, *телик* [2, с. 275]; данный подход отражен в [10, с. 276; 1, с. 339].

И.С. Улуханов находит в существительных на *-ик* усечение средней части слова: *туберкулезник* → *тубик* ‘ [12, с. 34].

Номинации на *-ик* вслед за Н.А. Янко-Триницкой, Е.А. Земской и Н.А. Николиной в данном исследовании мы относим к суффиксальной деривации на базе усеченной мотивирующей основы, в силу чего жаргонные неологизмы *алик* (жарг.) ‘алкоголик’ [16] и *нарик* [17] не рассматриваем среди номинаций, образованных усечением. В существительных *алкоголик* и *алик* целесообразно выделять омонимичные морфемы: в *алкоголик* суффикс *-ик* участвует в мутационной деривации (*алкоголизм* – *алкоголик*), а в *алик -ик* является формантом модификационной деривации, который привносит коннотацию уменьшительности.

Цель исследования, результатам которого посвящена данная статья, состоит в определении деривационных особенностей и прагматики номинаций человека, образованных усечением в течение последних 50 лет.

Материал исследования

Материалом предпринятого исследования являются ежегодные неографические издания, фиксирующие новые лексические единицы 1977–1994 гг., от словаря «Новое в русской лексике. Словарные материалы-1977» [18] до «Новое в русской лексике. Словарные материалы-1994» [19], а также «десятилетние» издания «Новые слова и значения», содержащие неологизмы 1960-х [20], 1970-х [21], 1980-х [22] и 1990-х гг. [23; 17; 24]. Используются также другие лексикографические источники (словарь В.И. Даля и другие). Кроме того, привлекается материал базы данных по русскому языку – Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [26], основного и газетного корпусов, а также медийные ресурсы и тексты современной художественной литературы.

Результаты исследования

Выявлено более 50 неодериватов, являющихся усеченными номинациями человека. Все неографические источники, за исключением [20], последовательно отражают пополнение корпуса агентивов новыми единицами: зафиксировано 5 неологизмов 1970-х годов, 13 – 1980-х годов, 22 – 1990-х годов. За пределами словарей – 12 единиц, употребление которых датируется последним десятилетием XX – началом XXI в.

Образование новых номинаций осуществляется по четырем моделям: трех отсубстантивных и одной отафдективной. Отличительной чертой мотивирующих слов является значительная доля заимствованной (интернациональ-

ной) лексики, что сближает усечение с другими способами словообразования данного периода.

Исследование показало, что усечение производится как вне границ морфем, так и на границе морфем.

Семантический анализ новообразований показывает разнообразные сферы деятельности человека, где востребованы его номинации, наиболее важные для исследуемого периода, а также группы качеств, свойств человека, являющихся объектом категоризации.

Обсуждение

В течение исследуемого периода усечение, результатом которого является создание экономных номинативных и экспрессивных номинаций человека, выступает активным способом деривации во второй половине XX в. Диахронически усечением является агентив *мент* от *ментор* 'надзиратель' [25, с. 318].

Ономасиологические особенности неодериватов, образованных усечением, состоят в семантическом разнообразии; характеристика человека по различным признакам представлена 14 группами.

1. Общая номинация, гипероним *чел* 'человек' (разговорная речь, [26]). Усечение сформировалось в письменных текстах.

В основном корпусе усечения представлены в 46 документах, 61 вхождении 2003–2015 гг.: *нормальный такой чел* (2015); *я спортивный чел, я счастливый чел* (2013); *каким образом чел до этого состояния догнался* (2013); *может, и хороший чел* (2012); *чтоб чел ходит на работу* (2012); *это отвратительный чел* (2012); *здоровый чел* (2004); *у этих челов роман* (2004); *странный чел* (2004); *чел за компом* (2004); *чел чувствует себя здоровым* (2003).

В газетном корпусе 15 документов, 18 вхождений 2001–2014 гг.: *Обычный «чел» Артем (Павел Прилучный), как и большинство москвичей, ничего этого не знает и живет своей жизнью, пока однажды в его машине не оказывается таинственный наемник-убийца...* [26, Известия. 2014. 18 апр.]; *Чел, который думает, что он умнее своего ближнего, – просто кретин* [26, Комсомольская правда. 2013. 30 окт.]; *Глава Чечни отметил, что Тимати «везде показал себя как настоящий мужчина, а не как «парниковый чел» из шоу-бизнеса»* [26, Комсомольская правда. 2013. 14 мая.]; *«Ленин – это человек (прикольный чел)»; «Он тот самый чел, который живет на вилле под названием «Мавзолей»* [26, Комсомольская правда. 2008. 22 апр.]; *модный чел* (26, Советский спорт. 2008. 4 нояб.); *«настоящий чел» тот, кто со-*

стоятелен, сердоболен и великодушен [26, Труд-7. 2006. 24 июня.]; *классный чел* [26, Труд-7. 2006. 16 июня.]; *Кроме нас, обычных «челов», здесь живет еще множество древних народов, владеющих как магией, так и последними техническими достижениями* [26, Комсомольская правда. 2005. 28 июня.]; *Кекс, крендель, чувак, чел – так подростки называют друг друга* [26, Комсомольская правда. 2003. 22 окт.]; *клевый чел Тайгер* [26, Комсомольская правда. 2001. 1 окт.].

Первоначально использовались конструкции с числительным и чел с точкой как знаком сокращения слова: *чел. 200* (1718 г.), *500 чел.* (1913 г.); данная традиция сохраняется и в настоящее время: *...мы планировали на 130 чел., пришло 150* (2015 г.).

Чел последовательно фиксируется корпусом с 2001 г. в текстах художественной литературы, в СМИ, в том числе при передаче речи политиков, а также на интернет-сайтах, форумах: *отвратительный чел* [26, коллективный. Форум: Сепаратисты провезли по Петербургу Маннергейма (2012)].

Усечение не имеет синтагматических ограничений, используется при положительной или отрицательной характеристике в сочетании с нейтральными (*настоящий, счастливый, хороший*) или стилистически сниженными разговорными прилагательными (*парниковый*), отмечены коллокации с жаргонизмами (*прикольный чел, клевый чел*).

2. Характеристика человека по отношению к профессиональной деятельности: *фотокор* 'фотокорреспондент', *распред* (разг. проф.) 'кто занимается распределением работы на участке, в цехе' [21]; *дискор* 'диск-жокей, диск-корреспондент' [22]; *преп* (жарг.) 'преподаватель' [27]; *админ* 'администратор в сети интернет' [26, СМИ]; *вице* [28, с. 265, 276, 278], *вице-през* [28, с. 519], *вице-губер* 'вице-губернатор' [26, СМИ]; *коммерс* 'коммерсант, бизнесмен' [26, СМИ], *препод* 'преподаватель', *вед* 'специалист' [26], *вод* 'занимающийся разведением чего-л.' [26, СМИ].

Админ 'администратор': в НКРЯ 36 документов, 72 вхождения 2002–2015 гг. в основном корпусе, 10 документов, 17 вхождений 2006–2013 гг. в газетном корпусе: – *Когда я еще не осел здесь в админах, работал в одной айтишной конторе...* [26, Марина Засимкина. Ты проснешься. Книга первая, 2015]; *Администраторы сети (админы), которым я обрывала провода, отделывались привычными отговорками, что происходит профилактика сети, сервер перезагружается и прочее* [26, Известия. 2002. 30 сент.]; *В серверной за концертным за-*

лом, где и происходит процесс создания объемной трансляции, работают несколько **админов** [26, РБК Дейли. 2013. 2 авг.].

Вице ‘вице-президент компании’: Президент теперь внимательно смотрел на своего **вице**; Стенли Корбах пришел к решению сделать своего зятя одним из самых влиятельных **вице**; Поздравляю тебя, счастливый кот, с назначением первым **вице**! [28, с. 265, 276, 278].

Вице-през ‘вице-президент компании’: После того как эта неизмеримая «пара минут» истекла, **вице-през** понял, что хроматический праздник означает не что иное, как окончательный приговор Стенли Корбаху: его царство кончилось! [28, с. 519].

Вице-губер ‘вице-губернатор’: в корпусе отсутствует, зафиксировано использование в телевизионных СМИ: Убийство **вице-губера** (НТВ. 29.04.2015).

Коммерс ‘коммерсант’, ‘индивидуальный предприниматель’, ‘бизнесмен’ в НКРЯ представлен 10 документами, 24 вхождениями в основном корпусе 2008–2014 гг. и 18 документами, 24 вхождениями в газетном корпусе 2002–2014 гг.: **Коммерс** нас сдал, утром приехала группа захвата [26, Комсомольская правда. 2014. 1 мая.]; **Пистолет** в кармане или в «бардачке»? ... у кого по закону, у кого незаконно: представители «опасных профессий», охранники, бандиты, да и крутые **коммерсы** (последнее словосочетание, появившееся в начале 1990-х, как раз и означает «вооруженный коммерсант»), – а у кого нет, тому, скорее всего, и не надо [26, Известия. 2012. 27 июля.]; **Трамп** как **коммерс** (Радио Маяк. 2016. 9 нояб.).

Вед ‘специалист’: основной корпус НКРЯ включает 2 документа, 2 вхождения 1987–1999 гг., газетный соответственно 2 и 2 2005–2013 гг.: Ну, чтобы не смущать «исследователей», литературоведов и других... **ведов** [26, Эдуард Лимонов. На смерть деда Хасана // Известия. 2013. 16 янв.]; В министерстве наверняка есть специалисты, которые с помощью нештатных искусство-, право- и прочих «**ведов**» могут определить, что соответствует нашей духовности, а что калечит [26, Труд-7. 2005. 1 апр.].

Вод ‘занимающийся разведением кого-, чего-л.’: ассоциация суккулентоводов. – Кого-кого **водов**? [ТВ-5. 2015. 1 июня].

Препо ‘преподаватель’: в основном корпусе 50 документов, 127 вхождений 1997–2015 гг., в газетном 94 документа, 153 вхождения 2000–2013 гг.: Оказалось ещё, что наш **препо** из кулька [училища культуры], басист, играет там на соло гитаре [26, М. Письма из Санкт-Петербурга подруге в Саратов, 1997]; **Аспиран-**

ток Борис Сергеевич сторонился после одного неприятного инцидента, но это только на пользу имиджу пошло. Принципиальный, неподкупный, строгий такой **препо** [26, Марина Засимкина. Ты проснешься. Книга первая, 2015]; **Прикольный препо**! (Радио Маяк. 2016. 6 авг.).

3. Характеристика человека по участию в спорте: **супертяж** (разг.) ‘спортсмен супертяжелого веса, свыше 110 кг’, **тяж** (разг.) ‘спортсмен (борец, боксер, штангист) тяжелого веса, тяжеловес’ [21]; **гросс** (разг.) ‘гроссмейстер’ [17]; **гросс** (жарг.) ‘гроссмейстер’ [29].

4. Характеристика человека по родственным, семейным отношениям: **дя** (разг.-фам.) ‘дядя’ [30]; **па** (разг.-фам.) ‘папа’ [30; 26]; **пра-пра** (разг.) ‘древние предки’ [22]; **ма** ‘мама’ [26; 31].

Включение слова **ма** обусловлено его активизацией: оно отсутствует в толковых словарях, исключение составляет «Большой академический словарь русского языка» [31], входит в НКРЯ [26]: **Кофту** с золотыми пуговицами, **ма**, бери себе, она какая-то старушечья [26, Ирина Муравьева. Мещанин во дворянстве, 1994]; **Маши** заглянула к Людмиле в двери. – **Привет, ма!** – **Поздоровалась** она [26, О. Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени, 2008].

5. Характеристика человека по этнической принадлежности: **азер** (жарг.) и **азербод** (жарг.) ‘азербайджанец’ [16]; **айзер** (разг.-сниж.) [19]; **азер** (разг.-сниж. пренебр.), **айзер** (разг.-сниж. презрит.) ‘азербайджанец’ [23], **чеч**, **чич** и **чеча** (разг.) ‘чеченец’ [24].

Как видим, неографией зафиксированы синонимичные (вариантные) номинации: **азер**, **айзер** и **азербод**, образованные соответственно от нейтрального **азербайджанец** и разговорно-сниженного **айзербайджанец**. Авторы разных выпусков словарей снабжают этнонимы различными стилистическими пометами, сравнение которых обнаруживает тенденцию к нейтрализации, отрицательную динамику пейоризации.

6. Характеристика человека по взглядам, убеждениям, членству в организации, принадлежности к партии, общественно-политической группе: **нео** ‘неонацист’ [32]; **проф** ‘член профсоюза’ [27]; **исты** ‘коммунисты, социалисты и др.’ [16]; **интера** (разг. пренебр.) ‘интернационалисты’ [27]; **интера** (разг.-сниж., презрит.) ‘интернационалисты’ [23]; **ультра** ‘человек крайних взглядов’ [26], **антиглоб** ‘антиглобалист’ [в СМИ].

Ультра ‘человек крайних взглядов’: **Разве** обязательно для борьбы за права человека смыкаться с нашими **ультра**, с махровыми солдафонами, с беспринципными спугами из нашей разведки, **насквозь** разъеденной цинизмом? [28].

Ученые фиксируют неодериват *антиглобы* в медийных текстах начала XXI в. [17, с. 164].

7. Характеристика человека по качествам, свойствам: *супер* (жарг.) ‘супермен’ [18]; *шиз* (жарг.) ‘кто ведет себя, как психически ненормальный человек; кто поступает не так, как все, кажется странным’ [22].

8. Характеристика человека по заболеванию: *шиз* (жарг.) ‘шизофреник, шизоид, шизик’ [22]; *шизо* (жарг.) ‘шизофреник’ [27]; *нарком* (жарг.) ‘наркоман’ [16; 17]; *нарк* (жарг.) ‘наркоман’ [17].

9. Характеристика человека по участию в криминальных, противоправных действиях: *фарц* (жарг.) ‘фарцовщик’ [18]; *духи* (разг. презр.) ‘душманы’ [33]; *дух* (разг.) ‘душман’ [22]; *автор* (жарг.) ‘авторитетный лидер преступной группы’; ‘авторитетный борец в подпольном бизнесе’ [16].

10. Характеристика человека по наличию/отсутствию гражданства в стране проживания: *негр* (разг. пренебр.) ‘негражданин в стране проживания’ [17].

11. Характеристика человека по принадлежности к социальной группе: *пенс* (жарг.) ‘пенсционер’ [34]; *пенс* (прост.) ‘пенсционер’ [22]; *интель* (жарг.) ‘интеллигент’ [16]; *скин* ‘участник неформального молодежного движения, скинхед’, *хип* (жарг.) ‘хиппи’ [24].

Пенс ‘пенсционер’: ...с *пенсами* так делают (о мошенничествах с банковскими картами пенсционеров. – З.М.) (Разговорная речь, 2015); *Она жила в доме для особо важных пенсов – ну такой дом престарелых для богатых* [26, Домовой. 2002. 4 мая.].

12. Характеристика человека по наличию индивидуальных способностей: *сенс* (разг.) ‘экстрасенс’ [16; 24]; *энергет* ‘кто занимается нетрадиционными видами, проявлениями энергетики’ [24].

... Несколько *экстрасенсов* провели опыт: предложили врачам-кардиологам снять электрокардиограммы у любых здоровых людей и дать им поддержать в руках кусочки горного хрусталя, которые специально подготовили сами *сенсы* [26, Комсомольская правда. 2006. 15 марта.]; *больше приходится доверять «сенсам» с большим опытом* [26, Комсомольская правда. 2006. 18 июня.].

13. Характеристика человека по склонностям, увлечениям: *фан* (жарг.) ‘спортивный болельщик или поклонник рок-группы, исполнитель; фанат’ [22].

14. Характеристика человека по отношению к сексуальной сфере: *промиск* ‘для кого характерны беспорядочные сексуальные отношения, промискуитет’ [35; 22]; *интер* (жарг.) ‘интерпроститутка, интердевочка’ [16]; *транссекс* (разг.) ‘транссексуал’ [36].

Неодериваты образуются по трем отсубстантивным и одной отадективной модели. Преимущественно используется апокопа, в единичных случаях аферезис, примеры синкопы отсутствуют. В качестве мотивирующих слов выступают агентивы, абстрактные существительные, имена прилагательные.

Некоторые дериваты допускают множественную мотивацию. Так, номинация *пра-пра* (разг.) ‘древние предки’ авторами словаря [16] трактуется как образованная сложением приставок *пра-* в сочетании с субстантивацией, однако наличие неологизма *прапрапредки* (*прапра-* + *предки*) [26] позволяет объяснять образование деривата с помощью усечения, которое приводит к автономизации префиксальной морфемы: *прапрапредки* → *пра-пра*, аналогично с *исты* и *воды*.

Модель 1: Ag + апокопа: *пенсционер* → *пенс*.
Модель 2: Ag + аферезис: *коммунисты* → *исты*.
Модель 3: N + апокопа: *распределение работы* → *распред*.
Модель 4: Adj + апокопа: *авторитетный лидер* → *автор*.

Морфонологические особенности: а) чередование парных мягких–твердых согласных с’–с: *пенсционер* – *пенс*; п’–п: *хиппи* – *хип*; б) чередование ш–х: *душман* – *дух*.

Морфологические особенности: как неодериваты в целом, выявленные единицы относятся, в основном, к мужскому роду (*коммерс*, *супер*), две – к женскому (*ма*, *интер*), один к общему (*чеча*), одна к *pluralia tantum* (*пра-пра*). Неологизмы являются изменяемыми (*пенс*, *чеч*) и неизменяемыми (*шизо*, *па*, *нео*), простыми (*чел*, *преп*) и сложными (*дискор*).

Неодериваты, образованные усечением, участвуют в суффиксальной деривации: *супер* – *суперша*: ...четыре *супера* и одна *суперша* [18], *препод* – *преподша*: *Преподаша* по философии сказала, что пьяные разговоры на кухне – это не философия! [26, Комсомольская правда. 2019. 13–20 февр., с. 32].

На базе усечения происходит образование нового, еще более экономного слова: *преподаватель* – *препод* – *преп*; *наркоман* – *нарком* – *нарк*; *шизофреник* – *шизо* – *шиз*.

Прагматика усечений разнообразна. Основной интенцией использования усеченных агентивов является обеспечение живой спонтанной демократической коммуникации (*пенс*, *сенс*, *хип* и т. п.). Использование части вместо полного слова помогает избежать тавтологии: *Президент теперь внимательно смотрел на своего вице* [28, с. 265]. Наблюдается также использование усечений с целью пейоризации высказывания (*фарц*, *шиз*). Кроме того, усечения могут использоваться при языковой игре, особенно в

тех случаях, когда сокращенное слово совпадает с единицей словаря и выступает омонимом к неусеченному слову. Омоакронимия, зафиксированная Н.А. Николиной для топонимов-урбанонимов [1, с. 338], присуща агентам *автор, нарком, негр*.

Ошибочно было бы все усечения связывать с какой-либо одной интенцией. Обратимся к комментарию польского исследователя В. Сенкевича: «Русскоязычные студенты обзывают преподавателя *преподом*. Потому что *дает* и *пре-подает* знания. А если не давать-преподавать, а *доносить* и *преподносить*? Ср.: *Из аудитории доносился голос преподавателя* [37, с. 317–318]. Результаты анализа интервью, проведенного с магистрантами-филологами Петрозаводского университета, показывают, что интенция использования усечения *препод* (*преп* не употребляется) вместо полного слова *преподаватель* состоит прежде всего в сокращении высказывания, при этом негативные коннотации могут отсутствовать: «*Препод* – слово используют для сокращения высказывания; негативной оценки нет»; «Слово *препод* в ходу у молодых людей в разговорной речи: *Сегодня наш препод задал много домашки: Препод по истории*».

Неодериваты, образованные усечением, являются а) стилистически маркированными, разговорными: *айзер, азер, дух, негр, па, пра-пра, распред, сенс тяж, супертяж*; эмоционально-экспрессивными: *дух* (разговорное презрительное) в [33] и разговорное в [22]; *па* (разг.-фам.) [22]; *азер* (разг.-сниж. пренебр.) [23]; *айзер* (разг.-сниж. презрит.) [19; 23]; б) относятся к субстандарту, подсистемам за пределами литературного языка: жаргону: *гросс, нарк, нарком, преп, супер, фан, фарц, шиз, шизо*; просторечию: *пенс*; в) к стилистически нейтральным относится неагентив *фотокор*. «Стилистическая ограниченность» усечений неоднократно отмечалась в исследованиях [3, с. 287; 2, с. 274, 280; 12, с. 30]. Однако наблюдается динамика стилистической маркированности: у слова *азер* (вариант *айзер*), по данным неографии, жаргонного [16] или разговорно-сниженного, пренебрежительного или презрительного [23], в разговорной речи наблюдается элиминация негативно-оценочных коннотаций: – *Я покупаю овощи у одного азера/отношусь нормально* (разг. речь). Респондент, носитель азербайджанского языка, также не воспринимает *азер* как обидное, не считывает прагматику унижения или уничтожения в силу особенности этнонима в родном языке: *Азәр* в азербайджанском языке ‘азербайджанец’.

Выводы

В современном русском языке, как и в других языках, например в английском, наблюдает-

ся активизация усечения. Усечение в русских неодериватах можно назвать свободным, поскольку оно совмещает неморфемное усечение и автономизацию префиксальных и суффиксальных морфем, может совпадать или не совпадать с границами морфем.

Активным процессом в образовании усечений является расширение мотивационной базы за счет имен прилагательных и абстрактных существительных. Выявлено три модели деривации усечений на базе имен существительных и одна – на базе имен прилагательных.

Неография последовательно фиксирует новые единицы, образованные усечением с 1977 до конца 1990-х гг. Продуктивность данного способа деривации подтверждается также репрезентативным материалом медийных текстов и Национального корпуса русского языка.

Усечения, выявленные в материале исследования, образуются с помощью апокопы, усечения финали, аферезиса, усечения начальной части, примеры синкопы, одновременного усечения начала и конца мотивата, в нашем материале не зафиксированы.

Пополнение словаря современного русского языка десятками усеченных номинаций человека поддерживает антропоцентричность русскоязычной картины мира.

Исследование показало активизацию усечения как способа деривации агентивов в русском языке последних десятилетий, что обусловлено пейоризацией, жаргонизацией современной речи, проникновением жаргонизмов в СМИ и повседневную разговорную речь, а также проявлением закона экономии языковых средств.

Неодериваты характеризуются семантическим разнообразием и входят в 14 ономастических групп; усечения связаны гиперо- и гипонимическими отношениями, они используются как профессиональные номинации и оценочно-характеризующие единицы. Прагматика неологизмов, образованных усечением, разнообразна и включает компрессию, пейоризацию, языковую игру. Сокращение протяженности слова уменьшает дистанцию между субъектами коммуникации и способствует процессу демократизации языка.

Список литературы

1. Николина Н.А. Активные процессы в сфере усечений // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина): сб. ст. Междунар. науч. конф. Н. Новгород, 2016. С. 336–339.
2. Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка / Под ред. М.В. Панова. М.: Наука, 1968. 300 с.

3. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. 310 с.
4. Немченко В.Н. О понятии усечения основы слова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Филология. 2003. № 1. С. 100–110.
5. Немченко В.Н. Современный русский язык. Морфемика и словообразование: Учебник. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1994. 296 с.
6. Современный русский язык: Учебник для вузов / Под ред. Н.С. Валгиной. М.: Логос, 2003. 528 с.
7. Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В. Новые тенденции в современном медийном словотворчестве // Новые тенденции в русском языке начала XXI века: Монография / Под ред. Л.В. Рацибурской. М., 2015. С. 134–221.
8. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2005. 576 с.
9. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976. 543 с.
10. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: Учеб. пособие для студентов. М.: Просвещение, 1973. 304 с.
11. Современный русский язык: Учебник для студ. вузов, обучающихся по спец. «Филология» / Под ред. П.А. Леканта. М.: Дрофа, 2001. 560 с.
12. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М.: ИРЯ РАН; Русские словари, 1996. 222 с.
13. Николина Н.А. Словообразование современного русского языка: Учеб. пособие. М.: Академия, 2005. 160 с.
14. Лейчик В.М. Противоположные тенденции как импульс развития языка в современную эпоху (эссе по общему языкознанию) // Язык и действительность: Сборник научных трудов памяти В.Г. Гака. М., 2007. С. 114–121.
15. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начале XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М.: ЭЛПИС, 2008. 495 с.
16. Новое в русской лексике. Словарные материалы-1991 / Под ред. Ю.Ф. Денисенко. СПб.: Дм. Буланин, 2005. 605 с.
17. Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX в. В 3 т. / Под ред. Т.Н. Буцевой (отв. ред.) и Е.А. Левашова. Т. 2. СПб.: Дм. Буланин, 2014. 1392 с.
18. Новое в русской лексике. Словарные материалы-1977 / Под ред. Н.З. Котеловой. М.: Русский язык, 1980. 176 с.
19. Новое в русской лексике. Словарные материалы-1994 / Под ред. Ю.Ф. Денисенко. СПб.: Дм. Буланин, 2006. 398 с.
20. Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / Под ред. Н.З. Котеловой, Ю.С. Сорокина. М., 1971. 543 с.
21. Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Н.З. Котеловой. М., 1984. 808 с.
22. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / Под ред. Е.А. Левашова. СПб.: Дм. Буланин, 1997. 904 с.
23. Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX в. В 3 т. / Под ред. Т.Н. Буцевой (отв. ред.) и Е.А. Левашова. Т. 1. СПб.: Дм. Буланин, 2016. 816 с.
24. Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX в. В 3 т. / Под ред. Т.Н. Буцевой (отв. ред.) и Е.А. Левашова. Т. 3. СПб.: Дм. Буланин, 2014. 1360 с.
25. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. М.: Русский язык, 1981. 779 с.
26. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: февраль 2019).
27. Новое в русской лексике. Словарные материалы-1990 / Под ред. Т.Н. Буцевой. СПб.: Дм. Буланин, 2004. 674 с.
28. Аксенов В. Новый сладостный стиль: роман. М.: Эксмо, 2006. 624 с.
29. Новое в русской лексике. Словарные материалы-1981 / Под ред. Н.З. Котеловой. М.: Русский язык, 1986. 288 с.
30. Новое в русской лексике. Словарные материалы-1980 / Под ред. Н.З. Котеловой. М.: Русский язык, 1984. 287 с.
31. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К.С. Горбачевич. Т. 9. М.; СПб.: Наука, 2007. 660 с.
32. Новое в русской лексике. Словарные материалы-1985 / Под ред. Н.З. Котеловой и Ю.Ф. Денисенко. М.: Дм. Буланин, 1996. 351 с.
33. Новое в русской лексике. Словарные материалы-1984 / Под ред. Н.З. Котеловой. М.: Русский язык, 1989. 427 с.
34. Новое в русской лексике. Словарные материалы-1979 / Под ред. Н.З. Котеловой. М.: Рус. яз., 1982. 320 с.
35. Новое в русской лексике. Словарные материалы-1988 / Под ред. Е.А. Левашова; РАН. Ин-т лингвистических исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 420 с.
36. Новое в русской лексике. Словарные материалы-1992 / Под ред. Е.А. Левашова. СПб.: Дм. Буланин, 2004. 212 с.
37. Сенкевич В. Лингвокультурные аспекты преподавания русского языка в польской аудитории // Русский язык в иностранной аудитории. Лодзь, 2015. С. 311–319.

ПРЕПОД AND ЧЕЛ: NEW CLIPPINGS

З.И. Минеева

One of the most efficient ways of information transfer in the Russian language is clipping.

Clipping is a common derivation pattern, which is often used to form nominations of people.

The objectives of the study are as follows: a) to identify new truncated units in lexicographic sources (dictionaries of new words and meanings), National Corpus of the Russian Language, and mass media; b) to identify clipping types and associated morphonological processes; c) to identify onomasiologic features of derivatives, i.e. what patterns are used for nominating particular human features or traits; d) to identify the purposes of using clippings by language speakers today.

The study shows that a) clipping is a productive derivation means that created new human nominations in the Russian language during the period from 1960 to 2016; b) clipping is formed by means of apocope and apheresis; c) new words are semantically diverse and belong to 14 onomasiological groups; d) new agentives are used by language speakers in order to nominate people and to give them assessments.

Keywords: word formation pattern, agentive, nomination, apocope, apheresis, clipping, National Russian Corpus, ameliorative and pejorative evaluation.

References

1. Nikolina N.A. Aktivnye processy v sfere usechenij // Nauchnoe nasledie B.N. Golovina v svete aktual'nyh problem sovremennogo yazykoznanija (k 100-letiju so dnya rozhdeniya B.N. Golovina): sb. st. Mezhdunar. nauch. konf. N. Novgorod, 2016. S. 336–339.
2. Russkij yazyk i sovetskoe obshchestvo. Slovoobrazovanie sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka / Pod red. M.V. Panova. M.: Nauka, 1968. 300 s.
3. Shanskij N.M. Ocherki po russkomu slovoobrazovaniyu. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1968. 310 s.
4. Nemchenko V.N. O ponyatii usecheniya osnovy slova // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya Filologiya. 2003. № 1. S. 100–110.
5. Nemchenko V.N. Sovremennyy russkij yazyk. Morfemika i slovoobrazovanie: Uchebnik. N. Novgorod: Izd-vo Nizhegor. un-ta, 1994. 296 s.
6. Sovremennyy russkij yazyk: Uchebnik dlya vuzov / Pod red. N.S. Valginoy. M.: Logos, 2003. 528 s.
7. Raciburskaya L.V., Samylicheva N.A., Shumilova A.V. Novye tendencii v sovremennom medijnom slotovorchesterve // Novye tendencii v russkom yazyke nachala XXI veka: Monografiya / Pod red. L.V. Raciburskoj. M., 2015. S. 134–221.
8. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. M.: KomKniga, 2005. 576 s.
9. Rozental' D.E., Telenkova M.A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov. M.: Prosveshchenie, 1976. 543 s.
10. Zemskaya E.A. Sovremennyy russkij yazyk. Slovoobrazovanie. Ucheb. posobie dlya studentov. M.: Prosveshchenie, 1973. 304 s.
11. Sovremennyy russkij yazyk: Uchebnik dlya stud. vuzov, obuchayushchihsya po spec. «Filologiya» / Pod red. P.A. Lekanta. M.: Drofa, 2001. 560 s.
12. Uluhanov I.S. Edinicy slovoobrazovatel'noj sistemy russkogo yazyka i ih leksicheskaya realizaciya. M.: IRYa RAN; Russkie slovari, 1996. 222 s.
13. Nikolina N.A. Slovoobrazovanie sovremennogo russkogo yazyka: Ucheb. posobie. M.: Akademiya, 2005. 160 s.
14. Lejchik V.M. Protivopolozhnye tendencii kak impul's razvitiya yazyka v sovremennuyu epohu (esse po obshchemu yazykoznaniju) // Yazyk i dejstvitel'nost': Sbornik nauchnyh trudov pamyati V.G. Gaka. M., 2007. S. 114–121.
15. Marinova E.V. Inoyazychnye slova v russkoj rechi konca XX – nachale XXI v.: problemy osvoeniya i funkcionirovaniya. M.: ELPIS, 2008. 495 s.
16. Novoe v russkoj leksike. Slovarnye materialy-1991 / Pod red. Yu.F. Denisenko. SPb.: Dm. Bulanin, 2005. 605 s.
17. Novye slova i znacheniya: Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-h godov XX v. V 3 t. / Pod red. T.N. Bucevoj (otv. red.) i E.A. Levashova. T. 2. SPb.: Dm. Bulanin, 2014. 1392 s.
18. Novoe v russkoj leksike. Slovarnye materialy-1977 / Pod red. N.Z. Kotelovoj. M.: Russkij yazyk, 1980. 176 s.
19. Novoe v russkoj leksike. Slovarnye materialy-1994 / Pod red. Yu.F. Denisenko. SPb.: Dm. Bulanin, 2006. 398 s.
20. Novye slova i znacheniya: Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 60-h godov / Pod red. N.Z. Kotelovoj, Yu.S. Sorokina. M., 1971. 543 s.
21. Novye slova i znacheniya: Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 70-h godov / Pod red. N.Z. Kotelovoj. M., 1984. 808 s.
22. Novye slova i znacheniya. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 80-h godov / Pod red. E.A. Levashova. SPb.: Dm. Bulanin, 1997. 904 s.
23. Novye slova i znacheniya: Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-h godov XX v. V 3 t. / Pod red. T.N. Bucevoj (otv. red.) i E.A. Levashova. T. 1. SPb.: Dm. Bulanin, 2016. 816 s.
24. Novye slova i znacheniya: Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-h godov XX v. V 3 t. / Pod red. T.N. Bucevoj (otv. red.) i E.A. Levashova. T. 3. SPb.: Dm. Bulanin, 2014. 1360 s.
25. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4 t. T. 2. M.: Russkij yazyk, 1981. 779 s.
26. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa <http://ruscorpora.ru> (data obrashcheniya: fevral' 2019).
27. Novoe v russkoj leksike. Slovarnye materialy-1990 / Pod red. T. N. Bucevoj. SPb.: Dm. Bulanin, 2004. 674 s.

28. Aksenov V. *Novyj sladostnyj stil': roman*. M.: Eksmo, 2006. 624 s.
29. *Novoe v russkoj leksike. Slovarnye materialy-1981* / Pod red. N.Z. Kotelovoj. M.: Russkij yazyk, 1986. 288 s.
30. *Novoe v russkoj leksike. Slovarnye materialy-1980* / Pod red. N.Z. Kotelovoj. M.: Russkij yazyk, 1984. 287 s.
31. *Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo yazyka* / Gl. red. K.S. Gorbachevich. T. 9. M.; SPb.: Nauka, 2007. 660 s.
32. *Novoe v russkoj leksike. Slovarnye materialy-1985* / Pod red. N.Z. Kotelovoj i Yu. F. Denisenko. M.: Dm. Bulanin, 1996. 351 s.
33. *Novoe v russkoj leksike. Slovarnye materialy-1984* / Pod red. N.Z. Kotelovoj. M.: Russkij yazyk, 1989. 427 s.
34. *Novoe v russkoj leksike. Slovarnye materialy-1979* / Pod red. N.Z. Kotelovoj. M.: Rus. yaz., 1982. 320 s.
35. *Novoe v russkoj leksike. Slovarnye materialy-1988* / Pod red. E.A. Levashova; RAN. In-t lingvisticheskikh issledovanij. SPb.: Dmitrij Bulanin, 1996. 420 s.
36. *Novoe v russkoj leksike. Slovarnye materialy-1992* / Pod red. E.A. Levashova. SPb.: Dm. Bulanin, 2004. 212 s.
37. Senkevich V. *Lingvokul'turnye aspekty prepodavaniya russkogo yazyka v pol'skoj auditorii // Russkij yazyk v inostrannoj auditorii*. Lodz', 2015. S. 311–319.